

Всю дорогу Сун Цинсюй постепенно согревался, и к нему возвращался рассудок — вместе с лёгким раскаянием за то, что он навязался к Тан Хуаю.

Новый год. Все — дома, с семьями. А он является без предупреждения. Неудобно.

Но когда приехали, оказалось, что беспокоился он зря.

Квартира Тан Хуая была пустой и холодной. На чёрной каменной столешнице — пустая чашка от лапши быстрого приготовления. На диване и стульях — разбросанная одежда. Лёгкий беспорядок, и ни малейшего следа праздника.

Сун Цинсюй переобулся и прошёл внутрь. Ни одной живой души.

— Ты один? — спросил он с удивлением.

Тан Хуай бросил ключи на тумбочку у входа, достал из холодильника бутылку газированной воды и протянул ему:

— Это моя квартира. Мама здесь не живёт. Если хочешь пить — вот, горячая вода ещё не закипела.

Убедившись, что родственников дома нет, Сун Цинсюй выдохнул с облегчением:

— Гостевая комната есть?

— В гостевой — хлам. Ложись со мной в спальне.

Сун Цинсюй посмотрел на него с подозрением:

— В такой квартире — одна гостевая? И вообще, у меня сегодня нет настроения.

Тан Хуай лукаво усмехнулся:

— Я ничего не предлагал.

Уши Сун Цинсюя мгновенно вспыхнули. Он зажмурился и стал отпихивать Тан Хуая:

— Уйди! Не буду с тобой играть!

Тан Хуай позволял себя толкать и увлекал его вглубь квартиры. Незаметно довёл до ванной, выдал новые средства для умывания:

— Я пойду сменю постель. Как умоешься — ложись сразу.

Сун Цинсуй хмыкнул. Стоя перед зеркалом и чистя зубы, он увидел своё отражение — бледное, потухшее. Как будто героя фильма ужасов подселили в его тело.

Он ожидал сегодняшнего — ещё после встречи с мамой на церемонии знал, что рано или поздно этот разговор состоится.

Но если он и так ничего не ждал — почему ему было так больно?

Зато Тан Хуай — молодец: не полез с расспросами, не ковырял рану.

Вернувшись в спальню, он увидел свежую постель: наволочки, простыня, пододеяльник — всё нежно-лилового цвета. Он остановился.

— Ты? Лиловое постельное? Я думал, у тебя всё будет чёрным с ног до головы.

Тан Хуай ответил ровно:

— Фиолетовый помогает уснуть. Тебе полезно.

Сун Цинсуй не ожидал. Ощущение было похоже на то, как иссохшая, потрескавшаяся земля получает наконец тихий, долгий дождь.

Семя лежит глубоко в почве. Ему предстоят месяцы молчания, прежде чем оно пустит корень и прорастёт. Но однажды — ветви, листья, крона. И потому так легко считать, что время тишины и ожидания — не важно.

Потому что когда-нибудь станет лучше — значит, сейчас не имеет значения?

Точно как он когда-то спросил Чжан Чжияна.

Сун Цинсуй не знал, сделал ли Тан Хуай это намеренно. Но его поступок дал ответ.

Нет, Сун Цинсуй. Это очень даже имеет значение. Кому-то не всё равно. Кто-то заботится. Кто-то, даже ничего не зная, — беспокоится о тебе.

Напряжение наконец покинуло его тело. Он разделся, нырнул под одеяло и посмотрел на Тан Хуая — большие глаза, длинные ресницы, взмах-взмах.

— Будем?

Кадык Тан Хуая дрогнул:

— Ты же сказал — не хочешь.

Сун Цинсуй был абсолютно невозмутим — и нисколько не смущён собственным разворотом на сто восемьдесят. Разве что щёки горели, как спелые персики, а в глазах стоял влажный блеск, от которого Тан Хуай наклонился и поцеловал его в закрытые веки.

— Сколько раз — решаю я.

В груди Сун Цинсуя ещё теплился стыд неопытности, но действовал он решительно: сам обвил руками шею Тан Хуая и потянул к себе — за поцелуем, который вытеснит весь холод...

Нужных вещей под рукой не было, и хотя всё случилось естественно, по сравнению с двумя предыдущими днями это можно было назвать лишь лёгким прикосновением — едва ли треть прежнего.

Потом Тан Хуай отнёс его в ванную и тщательно вымыл.

Сразу после Сун Цинсуй ещё плавал в полудрёме, но после душа, наоборот, проснулся окончательно. Он катался по кровати, не находя себе места.

Тан Хуай обнял его поверх одеяла и тихо сказал:

— Всё ещё не спишь?

Инстинкт мгновенно просигнализировал об опасности. Сун Цинсуй распахнул глаза и невинно заморгал:

— Не сплю. Хочу поиграть.

Тан Хуай: ...

Он поднялся, вышел из комнаты.

Сун Цинсюй решил, что обидел его, но через три минуты Тан Хуай вернулся.

Высокий мужчина стоял в дверном проёме и приподнял бровь:

— Идём. Играть.

Сун Цинсюй вскочил с кровати:

— Бегу!

В кабинете уже стояли два компьютера — десктоп и ноутбук. На ноутбуке — аккаунт Тан Хуая.

Кресло перед десктопом было подогнано точно под рост Сун Цинсюя, и на сиденье лежала мягкая подушка, чтобы ему было удобнее.

Дуо на китайском сервере. Новогодняя ночь — но очередь оказалась мгновенной.

Сун Цинсюй попал на мид и мгновенно залочил Акали.

Тан Хуаю снова не повезло — саппорт. Увидев вражеского Дрейвена, он взял Треша.

Акали — фирменный чемпион Сун Цинсюя, и в его руках она была другим существом. Даже при слабом раннем уроне.

Через две минуты на линии вражеский мидер был мокрым от пота. В панике настучал в общий чат:

[Бро, Новый год же, зачем так жёстко?]

Сун Цинсюй бросил метку, рывком переместился, отработал комбо так быстро, что глаз не успевал уследить, — и снял ему больше половины здоровья.

Противник в ужасе флэшнул. Хотел позвать лесника — но Сун Цинсюй, оказывается, параллельно уже ответил ему в чате.

[Если я сильнее — это значит «жёстко»?]

Мидер выругался про себя.

Эти комбинации — отточенные до хирургической точности. И он при этом ещё печатает? У него что, руки — от робота?!

На таком рейтинге люди обычно покрепче. К тому же игра — это закон джунглей. Все уважают силу.

Встретив по-настоящему мощного соперника, мидер неожиданно для себя загорелся и бросил играть линию — вместо этого строчил в чат:

[Бро ты чё не на корейском сервере]

[Бро ты берёшь заказы на бустинг?]

[Бро та комба была красивая, научишь?]

Увидев, что противник окончательно деморализован и превратил LoL в мессенджер, Сун Цинсуй не стал сбавлять обороты — убивал, как полагается.

Причина простая: если про-игрок на ранкеде афкает или играет в поддавки — за серьёзное нарушение можно получить дисквалификацию.

Рисковать ради кого-то, кто просто хочет подружиться, он не собирался. Но и зла на этого человека не держал.

Ответив на пару сообщений между двумя комбо, он окончательно сломил волю оппонента. Тот замолчал.

Играть лучше от этого он, впрочем, не стал. Сун Цинсуй легко убил его трижды подряд. Ещё пара смертей — и его голова будет стоять меньше пушечного миньона.

Сун Цинсуй снёс первую мидовую башню. Тут в левом нижнем углу экрана замелькал текст:

[Треш, ты играть умеешь? Отойди от меня, я реально зае*ся]**

[Даже Треша не можешь нормально — зачем в ранкед лезешь?]

[Бустерок, вали нах]

Сун Цинсуй снял одно ухо наушников, нажал «В» — возврат на базу — и спросил Тан Хуая:

— Что за история?

Тан Хуай холодно:

— Не ловит топоры — и обвиняет меня, что стою не там. Типичный истерик.

Сун Цинсюй фыркнул:

— Взял бы Пайка. Или Зерат. На китайском сервере честно играть саппорта — это вообще кто?

Тан Хуай невозмутимо:

— Обычно больше ругают лесника. Но этот — «барчук».

На нижней линии — особенно на Дрейвене и Кайсе — полно игроков одного типа: сами играют паршиво, зато обожают разносить тиммейтов. Их так и звали — «барчуки».

Пока они перешучивались, Дрейвен снова выдал:

[Тр*ный лесник не ганкает, мидер не ротирует, их мид пришёл — а мой?]**

У Сун Цинсюя полыхнуло. Вражеский мидер пришёл на бот не потому что хотел — а потому что на миде ему было нечем дышать.

Он не стал тратить время. ТП — бот. Повернулся к Тан Хуаю:

— Хукай.

Слово не успело долететь — крюк Треша пролетел сквозь миньонов и впился в AD противника. Сун Цинсюй кинул метку, перелетел — и между двумя секундами успел напечатать:

[Папка пришёл]

Четыре символа ушли в чат в тот же миг, когда хрупкий вражеский AD начал стремительно терять здоровье. Вражеский мидер к тому моменту уже убежал. Саппорт противника дёрнулся спасать, но даже если бы у него был хил без кулдауна — Сун Цинсюй убивал быстрее.

Мгновенный дабл-килл: AD и саппорт. Сун Цинсюй кликнул на фонарь Треша, вернулся, забрал волну миньонов.

Потом спросил застывшего под башней Дрейвена:

[Доволен?]

Дрейвен: ...

Он что, посмеет сказать «нет»?

Ему казалось: стоит набрать хоть букву — и метка Акали появится у него над головой.

Дрейвен прозрел. Всё ясно: он обругал саппорта, а этот саппорт — парень Акали. Вот Акали и взбесилась.

Он бросился исправляться:

[Доволен доволен! Извини что ругал твою девушку, бро!!!]

Сун Цинсуй не ответил. Вместе с Тан Хуаем они уже ротировали по карте: куда летел крюк Треша — туда следом падала метка Акали.

Экран победы. На панели статистики Сун Цинсюя — 17/0, урон за пятьдесят тысяч. Почти столько же, сколько у остальных четверых вместе.

С тех пор как он стал профессионалом, Сун Цинсуй любил ассасинов в соло-очереди, но уже давно не играл так — не думая о макро, не считая ресурсы, просто убивая до тех пор, пока противник не сломается.

Ком, сидевший в груди, наконец выдохнул и растворился. Ему стало ощутимо легче.

Он мгновенно нажал «найти матч»:

— Ещё! Если снова саппорт — бери Пайка или Зерат. Бери кого-нибудь, кто может красть киллы. Хватит быть таким правильным.

Тан Хуай, внезапно получивший ярлык «правильный»:

— Хорошо.

Они играли матч за матчем. У Сун Цинсюя — сплошные MVP. Тан Хуаю неизменно не везло — он снова и снова попадал на саппорта.

Когда за окном забрезжил рассвет, они наконец вернулись в спальню.

День.

Сун Цинсюй разлепил глаза. Незнакомый потолок — секундное замешательство. Потом к его руке под одеялом прижалась чужая тёплая рука — и он вспомнил.

Ах да. Он у Тан Хуая.

Он смотрел на спящее лицо Тан Хуая — спокойное, тихое. Сел, растёр ладонями лицо, чтобы проснуться.

Ему казалось, что он что-то забыл. Но что именно?

На тумбочке завибрировал телефон.

Сун Цинсюй посмотрел. На экране мигало: Ли Сичэнь.

Его прошибло:

— Ё-моё!

Он толкнул Тан Хуая:

— Просыпайся! Мы забыли повесить свитки на базе! И Ли Сичэнь!

Он схватил трубку. Не успел рта раскрыть — из динамика ударило:

— СУН ЦИНСЮЙ! ТЫ МЕНЯ ПРОДИНАМИЛ!!!

Сун Цинсюй отдёргнул телефон от уха, спасая барабанные перепонки. Одной рукой снова толкнул Тан Хуая, другой виновато заговорил:

— Только проснулся. Ты где? Я сейчас приеду.

Тан Хуай приоткрыл глаза, сонно зевнул и пробормотал:

— Кто звонит с утра пораньше? А-Сюй, подвинься ближе, холодно.

Низкий, хриплый голос по телефону — прямиком в ухо Ли Сичэню.

Ли Сичэнь судорожно вдохнул.

Ему слышалось?! В постели у Сун Цинсюя — мужчина?!

<http://bllate.org/book/18105/1736407>